

Большой Ближний Восток накануне взрыва

Комментарий Центра АРВАК, 26.10.2026

Аннотация

Центр АРВАК рассматривает военно-политические приготовления США, Израиля и Ирана, свидетельствующие о нарастании угрозы масштабного вооруженного противостояния. Исследуются риски выхода конфликта за пределы Персидского залива с вовлечением в орбиту боевых действий сопредельных регионов – Красного моря, Ирака и Южного Кавказа, а также позиции ключевых региональных игроков: Турции, Пакистана и Египта. Особое внимание уделяется факторам дестабилизации, включая курдский вопрос, энергетическую безопасность и влияние внутривосточных процессов.

Ключевые слова: Ближний Восток, Иран, США, Израиль, военная эскалация, региональная безопасность, геополитика, Турция, Пакистан, Египет, Южный Кавказ, КСИР.

1. Введение и общий контекст эскалации

Анализ текущих информационных потоков вокруг событий на Ближнем Востоке указывает на приближение беспрецедентной по масштабам эскалации. Хотя ядром противостояния остается конфликт Ирана с США и Израилем, новый этап с высокой вероятностью выйдет за пределы Персидского залива, территории Ирана и подконтрольных Израилю районов Леванта. В орбиту активных боевых действий могут попасть Красное море, юго-запад Аравийского полуострова, Ирак, Иракский Курдистан и Южный Кавказ, что создает угрозу прямого вовлечения таких крупных региональных держав, как Турция, Пакистан, Египет и, возможно, Азербайджан.

2. Силовая стратегия США и Израиля против Ирана

Анализ открытых сведений о действиях и заявлениях руководства США показывает, что после выдержанной паузы Вашингтон склоняется к очередной попытке силового давления на Тегеран для разблокирования Ормузского пролива и принуждения его к миру на условиях Вашингтона. В настоящее время диалог между сторонами полностью прекращен из-за непримиримых разногласий по ряду ключевых вопросов. К ним относятся будущее ядерной программы Ирана, а также порядок контроля над Ормузским проливом и право взимания сборов с проходящих через него торговых судов. Консультации зашли в тупик после безуспешных попыток прийти к согласию при посредничестве Исламабада в апреле и Омана в июле. Хотя по отдельным техническим деталям компромисс был возможен, базовые позиции сторон остались в корне противоположными. Переговоры были окончательно сорваны и их продолжение в настоящее время не планируется, поскольку США и Иран взаимно отклонили представленные в ультимативном ключе условия сделки.

В то же время, по информации американских источников, Дональд Трамп отдавал распоряжения о начале подготовки к очередному широкомасштабному военному выступлению против Ирана. Принятие этого решения связывают с продолжительным совещанием по вопросам безопасности в Кэмп-Дэвиде, состоявшимся 02.10.2026, в ходе которого детально обсуждалась координация совместных действий с Израилем. Впрочем, среди экспертов нет единого мнения относительно конкретных временных рамок эскалации, так как соответствующая директива, направленная Пентагону после

совещания, не содержала четких сроков. Сам Трамп 08.10.2026 на своей странице в соцсети *Truth Social* объявил, что не намерен до промежуточных выборов в США (03.11.2026) начинать войну с Ираном. Издание *Axios*, ссылаясь на израильский источник, осведомленный о повестке обсуждений в Кэмп-Дэвиде, сообщает, что вероятность начала боевых действий до выборов в американский Конгресс невелика, однако после 3 ноября она может существенно возрасти. Между тем аналитики издания *The Atlantic* не исключают, что Дональд Трамп отдаст приказ о нанесении первых ударов по Ирану еще до промежуточных выборов, поскольку, как сообщили *The Atlantic* источники в Республиканской партии, «это создало бы впечатление, что президент одержал победу, и цены на газ начали бы снижаться».

Так или иначе, вопрос об инициировании новой эскалации, очевидно, уже решен. Источники в США и Израиле свидетельствуют, что CENTCOM интенсивно формирует ударную группировку по периметру иранских границ, перебрасывая (преимущественно из Европы) новые эскадрильи истребительной и тяжелой бомбардировочной авиации на американские базы в Израиле, Иордании и в союзных арабских монархиях Персидского залива. В южной части Персидского залива, у берегов Омана, сконцентрирована ударная группировка ВМС США во главе с авианосцем *USS Abraham Lincoln*, тогда как на подходе к ней находится отправленная в помощь авианосная группа *USS Gerald R. Ford*. Военные аналитики подчеркивают, что масштабы маневров и задействованный боевой ресурс свидетельствуют о том, что речь идет не о мерах устрашения, призванных лишь создать иллюзию подготовки к войне и оказать психологическое давление на Тегеран, а о полноценной организации нападения на Исламскую Республику Иран и ее союзников.

Эта версия к тому же подкрепляется сообщениями американских СМИ о «тайном визите» 19.10.2026 главы Пентагона Пита Хэгсета в Израиль, где состоялась его встреча с премьер-министром Биньямином Нетаньяху. Детали их переговоров не разглашаются, однако эксперты практически единогласно фиксируют, что речь идет о «последних штрихах» в планировании операции против Тегерана.

Кроме того, показателем фактических военных приготовлений выступают участвовавшие с начала октября телефонные беседы Дональда Трампа и Биньямина Нетаньяху, о которых американская пресса вовсе не упоминала в сентябре. Тематика интенсивных переговоров, по всей видимости, стали прежде всего иранская повестка, а также предстоящие израильские выборы, назначенные на 27.10.2026. Взаимосвязь этих двух событий очевидна, и аналитики склонны считать, что публичное заявление американского президента от 18.10.2026 о своей безоговорочной поддержке на выборах «великого премьер-министра-воина» и «партнера в борьбе против Ирана» следует трактовать как фактическое объявление новой войны Ирану. Очевидно, что заявленная Трампом «поддержка» Биньямина Нетаньяху не может означать ничего иного, кроме очередной антииранской кампании США, только при уверенности в которой израильский электорат вновь проголосует за партию «Ликуд» и праворадикальные силы.

В самом Израиле также наблюдаются активные мероприятия, свидетельствующие о фундаментальной подготовке властей и армии к масштабной войне. По сведениям израильских источников, все подразделения ЦАХАЛа приведены в режим повышенной

боевой готовности, что, предположительно, связано с предстоящими 27.10.2026 выборами в Кнессет. С середины октября в армии и спецслужбах действуют ограничения на отпуска, а увольнения полностью отменены. За счет штатного состава тыловых подразделений усилены военные заслоны по всему периметру израильских границ, включая оккупированные территории и «серые зоны». На Западный берег, в район Палестинской автономии, перебрасываются дополнительные армейские части. По приказу начальника штаба израильской армии, генерала Эяля Замира, штаб ЦАХАЛа полностью переходит на оперативный режим работы, предполагающий функционирование в условиях полноценной войны. При этом, как сообщают неназванные источники израильского телеканала KAN в спецслужбах страны, на самом деле ЦАХАЛ ведет подготовку не с целью сдерживания возможных атак со стороны Ирана, «Хезболлы» и ХАМАСа в период выборов, как объясняет свои действия военное командование израильской армии, а с намерением под прикрытием предвыборных мероприятий сформировать ударный кулак для нападения на ИРИ. Вместе с тем телеканалы KAN, Channel 12 и другие израильские СМИ не исключают вероятности атаки на Иран накануне выборов 27 октября. Израильская пресса и аналитики не комментируют данный вопрос, однако можно предположить, что если атака на Иран, выгодная в преддверии выборов Биньямину Нетаньяху и праворадикальным силам, все же состоится до голосования, то это будет означать, что Тель-Авив в ее оправдание прибегнул к провокации. Речь может идти о ракетном обстреле или нападении на мирных граждан страны якобы со стороны вышеуказанных врагов. В ответ на подобный инцидент, как предполагается, ЦАХАЛ *«будет вынужден»* развязать новую масштабную войну.

Активность армии Израиля наблюдается не только на территории собственно еврейского государства. По сообщениям ближневосточных источников, с середины октября эскадрильи истребителей ВВС Израиля, базирующиеся на военном объекте Неватим, в регулярном режиме пересекают воздушное пространство Сирии и отрабатывают в небе над Ираком условные удары по противнику. Одновременно сообщается об активности боевой авиации в небе союзной Израилю и США Иордании, откуда истребители также периодически направляются в сторону ирано-иракской границы.

3. Военно-техническая и стратегическая подготовка Тегерана

Между тем подготовку к новой масштабной эскалации демонстрирует и Иран. В середине октября власти Исламской Республики призвали население быть готовым к *«большой войне»*. В свою очередь, командование КСИР сообщило, что речь идет о еще более масштабном и затяжном конфликте, который *«может продолжаться годы»*. Согласно сообщениям израильских источников, иранские военные разослали срочные директивы союзникам в Ливане («Хезболла») и Ираке («Хашд аш-Шааби» – «Силы народной мобилизации») с призывом повысить уровень боевой готовности и занять новые позиции. Разведывательные службы США и Израиля сообщают, что иранские власти организывают в стране массовые мероприятия по подготовке к чрезвычайным ситуациям, проводят для населения курсы военной подготовки и гражданской обороны.

Еще в конце августа в интервью телеканалу *AL-Mayadeen* советник командующего КСИР Мохаммад Реза Нагди заявил, что Иран полностью готов к новой войне с США и Израилем. По словам Нагди, Тегерану удалось решить главную проблему для

осуществления полноценной обороны и ответных действий – восстановить и приумножить свои ракетные арсеналы, а также разместить в «*надежных локациях*» (имеются в виду подземные заводы) военно-промышленную производственную базу страны, пострадавшую от американо-израильских бомбардировок весной. Несмотря на заявления командования КСИР о полной автономности Ирана в производстве высокотехнологичного вооружения и замкнутом цикле снабжения сырьем, спецслужбы и разведка США указывают на иное. По их данным, Тегеран эффективно использовал паузу после весенних боевых действий для восполнения арсеналов за счет негласных поставок из Китая и России. В номенклатуру этих поставок входят комплексы радиоэлектронной борьбы, средства дальнего обнаружения, высокоточные противокорабельные ракетные комплексы, а также химические ингредиенты и взрывчатые смеси, необходимые для производства твердотопливных баллистических ракет средней дальности типов *Fattah*, *Zolfaghar* и *Qasem Basir*.

В контексте приготовления сухопутных войск Исламской Республики ключевое внимание Тегерана сосредоточено на 3-х наиболее уязвимых для возможного вторжения секторах. К ним относятся северо-западный рубеж (границы с Арменией, Азербайджаном и Нахиджеванским эксклавом), приграничные районы Иракского Курдистана, а также восточная прибрежная зона Персидского залива, прежде всего Ормузский пролив. На этих направлениях иранское руководство учитывает риски провокаций со стороны азербайджано-турецкого союза на северо-западе, потенциального прорыва курдских сил «Пешмерга» с запада, а также возможных десантно-штурмовых действий спецподразделений США и Израиля на юго-западном фланге – в акватории Персидского залива и на иранских островах близ Ормуза.

Аналогичные предкризисные признаки и военные приготовления прослеживаются также в действиях ряда других ключевых государств региона – Турции, Азербайджана, Пакистана, Египта и Ирака.

4. Втягивание арабских и мусульманских государств: Египет и Пакистан

В начале октября президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси после заседания Высшего совета Вооруженных сил (ВСВС) страны направил запрос в парламент, чтобы получить разрешение на «*отправку войск за рубеж*». В обращении к высшему военному командованию египетской армии ас-Сиси особо отметил, что у Каира отсутствуют какие-либо агрессивные намерения в отношении других государств. По его словам, помощь преследует цель защитить границы, исламские святыни и инфраструктуру Саудовской Аравии, если Эр-Рияд обратится за поддержкой к Каиру. Предполагается, что Египет отправит в Саудовскую Аравию средства ПВО, организует логистическую поддержку саудитам и их йеменским союзникам, а также развернет свой флот для военного патрулирования в Красном море. На фоне эскалации в Йемене и ее неуклонного расширения военная активизация Каира была ожидаемой. Экономика Египта наиболее всех страдает из-за борьбы хуситов за контроль над Баб-эль-Мандебским проливом. Также Каир опасается, что йеменская эскалация способствует военному и политическому укреплению поддерживаемого Израилем Сомалиленда, который в свою очередь обещает враждебной Египту Эфиопии предоставить выход к Индийскому океану в районе Баб-эль-Мандебского пролива и Аденского залива. Военно-политические власти в

Каире рассматривают эти угрозы как критические и требуют от парламента в экстренном порядке удовлетворить запрос о разрешении на фактическое вмешательство в йеменский конфликт. Заседание парламента по этому вопросу запланировано на 28 октября.

Также на фоне йеменской эскалации наблюдается предельная военная активизация Пакистана. Центр АРВАК в [публикации](#) от 15.10.2026 («Дилемма Мекканского пакта: позиция Турции и Пакистана в йеменском кризисе») уже подробно рассматривал запуск механизма реализации соглашения об организации совместной обороны членами Мекканского пакта – Саудовской Аравией, Турцией и Пакистаном. Несмотря на попытки Анкары и Исламабада дистанцироваться от прямого вмешательства в йеменский конфликт, 05.10.2026 в Эр-Рияде представителями Турции и Пакистана все же было объявлено о решении предоставить прямую военную помощь Саудовской Аравии.

Стоит отметить, что еще до заключения Мекканского пакта Исламабад развернул в Саудовской Аравии внушительный военный контингент на основе двусторонних союзнических обязательств. Как оценивают международные военные аналитики, к 05.10.2026 – дате проведения экстренного заседания Стратегического политического и оборонного комитета стран Мекканского соглашения в Эр-Рияде, где было официально зафиксировано прямое вовлечение Пакистана и Турции в конфликт в Йемене, – численность пакистанских войск в КСА уже составляла от 30.000 до 40.000 военнослужащих.

По данным информационного агентства *Reuters*, к маю 2026 г. Исламабад дополнительно перебросил в Королевство порядка 8.000 солдат, системы ПВО и порядка 10-и истребителей. Согласно сведениям осведомленных источников, негласные двусторонние договоренности, выходящие за рамки Мекканского пакта, допускали увеличение пакистанского военного присутствия на территории Саудовской Аравии вплоть до 80.000 человек.

С учетом этого можно предположить, что Пакистан беспокоит не столько военная сторона вопроса и издержки, связанные с отправкой союзнику собственных ресурсов для войны с хуситами (Пакистан фактически уже оказывал масштабную помощь Королевству), сколько политический резонанс заявления в Эр-Рияде о запуске механизма совместной обороны. Тем самым Исламабад фактически обозначил свою антииранскую позицию, учитывая союзные отношения хуситов с Ираном и непосредственную связь йеменской эскалации с противостоянием американо-израильского альянса и Тегерана. На этом фоне старания Исламабада придерживаться официальной нейтральной позиции по иранской проблеме и даже попытки быть посредником на американо-иранских переговорах девальвируются. Очевидно, что после фактического вступления Исламабада в войну с проиранским йеменским движением «Ансар Аллах» состоявшийся 20.10.2026 визит главы пакистанского Генштаба фельдмаршала Асима Мунира в Тегеран, целью которого было вновь предложить услуги Исламабада в ирано-американских переговорах, должен был быть отвергнут Ираном. Если президент Масуд Пезешкиан отнесся к предложению Мунира с большим интересом, как об этом свидетельствуют иранские СМИ, то верховное духовенство и командование КСИР, в чьих руках сосредоточена реальная власть в ИРИ, новую пакистанскую инициативу восприняли скептически и поставили под сомнение искренность фельдмаршала. Такая позиция иранских военных и верховного лидера

Моджтабы Хаменеи сложилась не только по результатам присоединения Исламабада к антихуситской коалиции. Визит фельдмаршала Мунира состоялся на фоне приграничного кризиса между Пакистаном и Ираном. 17.10.2026 Исламабад приостановил торговлю и движение через погранпункты Тафтан и Гибад-Римдан в провинции Белуджистан, в результате чего на границе застряли тысячи грузовиков, перевозивших в основном продовольствие и сжиженный газ. Пакистанские власти сослались на соображения безопасности и «*инциденты насилия в регионе*», в то время как иранский МИД назвал приостановку «*временной технической мерой*».

Существует высокая вероятность того, что межгосударственные отношения Ирана и Пакистана вновь окажутся на грани глубокого кризиса, повторив сценарий января 2024 г. Однако в текущих условиях предельной напряженности в регионе сдерживание эскалации представляется крайне затруднительным. В результате военное противостояние между Исламабадом и Тегераном рискует превратиться в один из ключевых фронтов масштабной региональной войны – наряду с активными боевыми действиями в Персидском и Аденском заливах, а также в районе Африканского Рога. В складывающейся обстановке возникает устойчивое впечатление, что Пакистан целенаправленно и планомерно подталкивают к прямому и неизбежному столкновению с Исламской Республикой Иран.

5. Многовекторная стратегия и риски Турции

Параллельно сходная тенденция прослеживается и в действиях Анкары, приближающейся к эскалации с Тегераном сразу на 3-х ключевых геостратегических направлениях. Для Турции вовлечение в противостояние с хуситами продиктовано не только обязательствами в рамках Мекканского соглашения. В первую очередь Анкара стремится удержать свои позиции в районе Красного моря и на Африканском Роге, закрепившись там за последнее десятилетие благодаря военно-политическому альянсу с официальным Могадишо. Построив в столице Сомали собственную авиабазу *Camp TURKSOM*, турецкая сторона намерена и далее наращивать военное, экономическое и технологическое присутствие в этой стране, включая проекты по созданию космодрома. Тем самым Анкара рассчитывает гарантировать себе влияние на этой важнейшей артерии мировой торговли и транзита. Однако конфликт в Йемене способен нарушить эти расчеты и изменить благоприятный для Турции расклад сил на стратегическом перекрестке.

Ситуацию вокруг турецкого контингента в Сомали существенно осложняет альянс между группировкой «Ансар Аллах» и сомалийскими радикалами из «Аш-Шабаб» (данную тему Центр АРВАК детально анализировал в [статье](#) от 29.09.2026 «Альянс хуситов и «Аш-Шабаб» – новая геополитическая вводная в бассейне Красного моря»). Возникшая угроза вынуждает Анкару не только усиливать присутствие на Африканском Роге, но и втягиваться в боевые действия сразу с двух направлений – с саудовского (по Мекканскому пакту) и непосредственно с «сомалийского плацдарма».

6. Курдский фактор и провокации на Южном Кавказе

Еще одним фактором, способным в краткосрочной перспективе активировать военную повестку Турции, по-прежнему остается курдский вопрос. Речь, в частности, идет об Иракском Курдистане, где, по данным ближневосточных источников, США все же удалось мобилизовать часть сил «Пешмерга» для нанесения удара по Ирану или как минимум для

сковывания действий проиранских шиитских группировок Ирака. Последние в ответ на кампанию против Тегерана обещали начать тотальную войну против американских баз в Иордании, Саудовской Аравии и Кувейте. Речь идет о таких крупных проиранских военизированных формированиях Ирака, как «Хашд аш-Шааби», «Катаиб Хезболла» «Асаиб Ахль аль-Хак», «Организация Бадр» и «Армия Махди» (на данный момент расформирована). Курдско-шиитская война в Ираке и Иране созрела давно, и ее триггером может стать новое нападение коалиции на Иран и попытка задействия части курдских формирований для разжигания национального восстания в Исламской Республике.

Анкара воспринимает подобные замыслы США и Израиля с крайним неприятием, расценивая возможное восстание иракских и иранских курдов как прямую угрозу национальной безопасности и территориальной целостности. Курдский вопрос остается постоянным дестабилизирующим фактором для региональной стратегии Турции. Опасения Анкары усиливаются на фоне участившихся дискуссий среди аналитиков и в политических кругах о том, что масштабный конфликт США и Израиля с Ираном может кардинально изменить геополитическую карту Передней Азии. Одним из ключевых результатов такой трансформации называют потенциальное создание единого курдского государства, охватывающего территории Ирана, Ирака, Сирии и самой Турции. В Анкаре все более настороженно относятся к подобному дискурсу, параллельно наблюдая за тем, как в Эрбиле и Сулеймание (центры Курдской автономии Ирака) ведут приготовления к масштабным боевым действиям.

Тегеран фиксирует аналогичные индикаторы активизации курдского фактора вдоль ирано-иракской границы. Не исключено, что иранская сторона намеренно распространяет эти сведения, стремясь сместить фокус внимания Анкары на *«курдскую угрозу»* и стимулировать Российскую Федерацию к более решительному содействию в обеспечении безопасности Ирана.

В данном контексте примечательно заявление иранского агентства *Tasnim*, связанного со структурами КСИР, опубликованное 20.10.2026. В нем утверждается, что Украина перебросила в Иракский Курдистан к иранской границе элитные штурмовые отряды и тысячи мини-БПЛА. Обнародуя подобные разведданные, Иран предупреждает своих партнеров и соседей – в первую очередь Россию и Турцию – о рисках масштабной внешней интервенции, где курдский фактор используется как инструмент реализации неокOLONиальных интересов Запада.

Так или иначе, курдская проблема в контексте иранской эскалации может стать одним из ключевых мотивов вовлечения Турции в ближневосточную войну. То же касается и азербайджанского направления, где на фоне последних массовых выступлений населения из-за запрета на ношение хиджабов и платков в школах вновь возникли трения между Азербайджаном и Ираном. Не вызывает сомнений, что главным катализатором общественного недовольства в Азербайджане выступило официальное руководство в Баку. Инициированная им кампания по секуляризации образовательных учреждений и запрету религиозных атрибутов совпала по времени с приготовлениями США и Израиля к антииранским акциям. В Анкаре убеждены, что этот шаг, спровоцировавший резкую реакцию Тегерана, был предпринят Баку под влиянием Вашингтона и Тель-Авива. Турецкие аналитики рассматривают происходящее как

искусственно созданную провокацию, призванную подтолкнуть Иран к жестким ответным действиям против Азербайджана. В условиях нарастающей региональной напряженности подобная эскалация рискует перерасти в открытый межгосударственный конфликт, что, в соответствии с Шушинской декларацией от 15.06.2021 г., заставит Турцию задействовать механизмы взаимной военной помощи.

Складывающаяся ситуация создает для Турции зеркальное отражение обязательств по Мекканскому пакту, в рамках которого Анкара оказалась вовлечена в военные действия в целях защиты Саудовской Аравии. Следующим звеном в этой цепочке может стать Азербайджан, вовлечение которого рассматривается как способ втянуть Турцию в новый фронт готовящегося масштабного конфликта на Ближнем Востоке. Осознавая провокационный характер происходящего в Азербайджане, турецкое руководство выразило неоднозначное отношение к жесткому подавлению протестов и религиозных свобод со стороны Баку, а ряд турецких политических фигур выступили с резкой критикой курса Ильхама Алиева.

Помимо этого, следует обратить внимание на недавно заключенную Баку сделку с израильским военно-промышленным концерном *Elbit Systems*. Соглашение стоимостью \$235 млн предусматривает поставку Азербайджану реактивных систем залпового огня *PULS* вместе с боекомплектom ракет *EXTRA-MR*. Публичное освещение этой закупки наступательных вооружений у ключевого противника Тегерана и теперь уже недружественной для Анкары державы вызвало закономерную негативную реакцию как в Иране, так и в Турции. Турецкая сторона выразила глубокое недовольство тем, что режим Алиева обнародовал параметры сделки непосредственно накануне ожидаемых ударов по ИРИ. Поскольку контракт рассчитан на трехлетний срок, в Анкаре отдают себе отчет: для Баку первостепенное значение имела именно информационно-пропагандистская и провокационная составляющая организованной утечки, а не практический запуск систем, поступление которых на вооружение остается вопросом отдаленного будущего.

С учетом глубокой вовлеченности в хитросплетения ближневосточной политики и сложную геополитику Средиземноморья, Турция имеет веские основания опасаться втягивания в крупномасштабный региональный конфликт. Пространство для маневра и возможности предотвратить свое участие в эскалации у Анкары неуклонно сокращаются. Наглядным подтверждением прагматичной оценки суровых реалий служит тот факт, что государство в форсированном режиме развернуло по всей стране масштабное строительство сети бомбоубежищ и подземных укрытий, предназначенных «для использования в случае войны, стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций».

Программа охватывает создание 83.500 подземных объектов в 81 провинции страны, каждый из которых рассчитан в среднем на 1000 человек, что позволит при необходимости укрыть практически все население государства. Согласно турецким источникам, завершение всех работ намечено уже на конец текущей осени. Беспрецедентный размах этих приготовлений явно свидетельствует о том, что Турция готовится не просто к локальным столкновениям, но и к потенциальной глобальной войне, очаг которой формируется непосредственно в ее регионе.

7. Заключение и глобальные геополитические последствия

Представленный обзор затронул лишь ряд ведущих мировых и региональных игроков, однако сопоставление их прямых военно-политических приготовлений с косвенными признаками явно указывает на приближение масштабной войны на Ближнем Востоке, сопряженной с риском ее выхода за пределы региона. В то же время глобальные процессы демонстрируют собственную внутреннюю логику, свидетельствующую о высокой вероятности столкновения геополитических центров силы именно в Передней Азии.

В качестве примера можно привести четко обозначенное намерение Вашингтона ускорить завершение украинского конфликта. По мнению ряда аналитиков, США и их союзники пытаются таким образом возобновить импорт российских углеводородов накануне ближневосточного кризиса, замещая потенциальный сбой поставок из Персидского залива, а также высвободить вооружения – прежде всего системы ПВО, размещенные на восточном фланге НАТО и в Украине, – для защиты своих баз и воздушного пространства союзников в Ближневосточном регионе.

Данная гипотеза представляется вполне обоснованной и заслуживает отдельного рассмотрения.